

путе, и не нашлось никого, кто осмелился бы принять мой вызов». Выслушав это, император отвечал: «Тогда ты, отыскивая неприятеля, не нашел никого, но теперь тебе предстоит боевое время, и ты будешь иметь вволю противников. Но если ты хочешь меня послушать, то не становись ни в задних, ни в передних рядах войска, которые действуют копьем; я знаю по опыту военные приемы турок. И то, и другое место опасно; ты же укройся в середине, где, окруженный своими, будешь спасен от неприятельских ударов»¹. Алексей дал такой полезный совет не только ему одному, который того не стоил, но и другим рассказывал, что их ожидает в походе, и особенно убеждал не преследовать турок в случае победы, ибо они весьма искусны в устройении засад. По доволно о Готфриде, Рауле (один из его сподвижников) и их сподвижниках.

Между тем Боэмунд (Тарентский) вместе с прочими графами пристал к Апру (греческому городу): сознавая, что он не может равняться с прочими князьями франкскими своим происхождением и не имеет довольно денег, чтобы содержать большую армию, он для восполнения таких недостатков решился сблизиться с императором и прибыл в Константинополь вперед, сопровождаемый только десятком франками; прочих же графов оставил позади себя. Император, зная хорошо нравы этого человека и его ум, скрытный и неисполненный козней, также желал переговорить с ним отдельно от прочих, прежде чем придут другие графы, чтобы выведать в разговоре его тайные намерения и загасные помыслы, вместе с тем он хотел требовать от Боэмунда переправы его войск до прибытия прочих, опасаясь, что, по известной своей злобе, он может в соединении с другими причинить вред императору. При появлении Боэмунда Алексей ласково принял его и расспрашивал о совершенном им пути и о том, где он оставил своих сподвижников. Получив от него на все желаемый ответ, император ста-

рался дружеской речью уничтожить воспоминание о делах под Диррахуимом и Лариссой, о их войнах и прежней вражде. При этом тот коварный хитрец говорил: «Признаюсь, тогда я был твоим врагом и действовал неприязненно; но теперь я являюсь к вам как верный друг вашего величества, и, что всего важнее, таким и останусь на будущее время». Император продолжал его испытывать на разных предметах и, переговорив о многом, выразил свое удовольствие. Условившись достаточно о присяге, император сказал ему наконец: «Впрочем, не желаю тебя удерживать дальнейшей беседой: ты с дороги устал; потому иди и позаботься об отдыхе; нам будет еще время поговорить». Отправившись в часть города св. Космы, где ему приготовили пристанище, он нашел стол, богато украшенный и установленный всякого рода яствами. После того к Боэмунду явились повара и кондитеры, по приказанию императора, и предоставили ему огромное количество сырого мяса и птицы домашней и лесной, говоря при этом: «Мы изготовили все, что ты видишь на столе, сообразно своему искусству и обычаю своей страны; но если ты привык есть иначе, то тебе не поправятся наши приправы; потому вот тебе сырая пища и пусть ее готовят по твоему вкусу, кому ты прикажешь». Так распорядился император, отличавшийся необыкновенным умением обращаться с людьми. Поисгая замыслы людей по одному выражению их лица и по телодвижению, он тотчас понял всю хитрость и подозрительность характера Боэмунда, и предвидел, что если ему будет предложена пища людьми императора, бывшего его врага, то он из опасения яда не дотронется до нее. Император не обманулся в своей догадке: Боэмунд не только не попробовал, но и не коснулся пищи концом пальца, скрыл подозрение под предлогом любезности и раздал все приготовленное тем, которые его окружали. Поистине, он оказал небольшую услугу своим, угостив их пищей, по его мнению, отравленной. Впрочем, он недолго скрывал свое коварство, как человек самоуверенный и презирающий всех; когда он наелся мяса, изготовленного его поварами по отечественному обычаю, то на

¹ Впоследствии Анна Комнина замечает с удовольствием, что этот дерзкий латин был убит при Дорилее; на этом основании полагают, что это был Роберт, граф Парижский.